

Текст · 21 мая 2019, 07:35

Сергей Смирнов,

«Власть озабочена сейчас, чем занять силовиков. Любой ответ на этот вопрос — плохая новость». Павел Чиков предчувствует новую реальность

Руководитель международной правозащитной группы «Агора» Павел Чиков формулирует дилемму, перед которой оказалась российская власть — сократить огромный силовой аппарат, простаивающий в отсутствие реальных угроз режиму, или сконструировать новый образ врага.

Новая ситуация

Стагнация на рынке репрессий — Исключение: «террористы» — Рвение и инициатива на местах — Кавказ и Сирия — Дела против силовиков

Чтобы говорить о политических делах, сначала надо сравнить сегодняшнюю ситуацию с 2011-2012 годом. Разгон акции на Чистых прудах, дело *Pussy Riot*, обыски у Навального, Собчак, «болотное дело», весь пакет репрессивных законов, включение «бешеного принтера» — говоря биржевым языком, тогда был растущий рынок репрессий, перманентное усиление Следственного комитета, Центра «Э» и других силовиков. Это продолжалось до середины 2016 года.

На протяжении последних трех лет мы видим кардинальное изменение ситуации. Правда, оно не

линейное. За последние три года рынок репрессий в целом падает. Но при этом некоторые сегменты растут.

Стало существенно меньше явно необоснованных политически мотивированных уголовных дел. До 2016 года шло давление по всем направлениями, оно было одинаковым. Грубо говоря, радикальных мусульман преследовали так же, как правых и либеральных оппозиционеров — что ты салафит из Дагестана, что ты человек из команды Навального в Москве, что ты правый из Питера. Что ты политическая оппозиционная структура, что ты правозащитная организация, что экологическая — давили одинаково. С высоты 2019 года кажется, что репрессии в период 2012–2016 годов с пиками в 2014–2015-м носили массовый характер.

Сейчас ситуация поменялась. Нет системного давления на неправительственные организации, на СМИ, даже на политическую оппозицию. Но что касается массовых акций протеста, то здесь ситуация отличается: количество привлеченных растет, количество арестов — тоже. Есть административное давление, новые составы КоАП, новые прецедентные дела.

Но политических уголовных дел стало меньше. При этом они сконцентрировались в определенных секторах и [возбуждаются] в отношении определенных групп. И там, где они есть, реагирование и последствия жестче, чем раньше. Произошло углубление политических репрессий в определенных направлениях. Например,

радикальные мусульмане и дела «Хизб ут-Тахрир». Их участников перевели из категории экстремистов в категорию террористов; сумасшедше увеличились сроки, они достигают 20 лет без единого пострадавшего и погибшего в деле. И это не Северный Кавказ, там «Хизб ут-Тахрир» практически нет.

Кухонный терроризм. Кого и за что судят в Крыму по делу «Хизб ут-Тахрир»

В основном речь о Крыме. Это делается для целенаправленного преследования крымских татар, а «Хизб ут-Тахрир» только повод. Есть еще и башкирские группы, но это некая инерция — не было бы сейчас крымских хизбов, не было бы и башкирских.

Отсюда выход на экстремистские и террористические сообщества: «Артподготовка», «Новое величие», «Сеть», неонацистские группы. Там тоже нет пострадавших, трупов, реальных

действий. Это все дела за разговоры, намерения, планы, ценности. Плохие, хорошие, защищаемые, не защищаемые — но это не более, чем слова и мыслепреступления в своей массе. И когда за это люди получают сроки от четырех–пяти до 20 лет лишения свободы — это абсолютно новое явление.

Еще есть рвение местных генералов. Назначили в Красноярск нового начальника ФСБ из Коми в награду за раскрытие группы Гайзера, он горит желанием вновь отличиться. И появляется дело «Артподготовки»: именно в Красноярске ее признали экстремистской организацией. Дело «Сети» из Пензы — этого же порядка. Такие инициативы с мест в стиле «товарищ Сталин, просим увеличить лимиты первой категории», активно поощряемые карьерным ростом, ростом потолков званий и открывающимися прибыльными горизонтами, поддерживают сегодня жизнь репрессивного аппарата.

Напряженной остается ситуация на Северном Кавказе, но здесь переключились на сирийскую кампанию. Борьба с ИГИЛ дала большую почву силовикам для работы по выявлению террористов. Символ этого всего — Варвара Караулова. Но понятно, что на Северном Кавказе сотни таких дел. И это способствует сохранению полицейского произвола в самых ужасных проявлениях. Фигуранты таких дел за людей не считаются, и поэтому в отношении них оправданы любые насильственные действия силовиков. Поэтому похищения, пытки, убийства продолжают.

Варвара Караулова. Фото: Нина Зотина / РИА «Новости»

Отличие последних полутора лет — пошли уголовные дела в отношении полицейских. Ингушское дело ЦПЭ, в Дагестане есть несколько дел, в Северной Осетии слушается в суде дело десяти полицейских за пытки и убийство.

Пыточное дело Центра «Э». Процесс над семьей ингушскими силовиками в Нальчике

Это то, чего раньше не было. Многие годы дело Кадета, которое вел Стас Маркелов, было чуть ли не единственным примером уголовного преследования силовика за пытки на всем Северном Кавказе. Конечно, это хороший тренд, но шлейф сирийской кампании все еще подпитывает локальные репрессии на Северном Кавказе.

Силовики без работы

Упадок статьи 282 УК — Компенсация: морщить маргиналов с удвоенной энергией — «Свидетели

Иеговы» — Девальвация экстремизма — Дефицит работы для силовиков

Но все равно у нас новая ситуация. По какой-то причине принято политическое решение не трогать мейнстримеров. Один из символов — падение 282-й статьи, то есть студенток Мотузных трогать нельзя, публика больше это не терпит. Это однозначный тренд. Теперь за экстремизм нельзя привлекать к ответственности за явно лайтовые вещи: без призывов к насилию, без жесткого сленга, без откровенного разжигания. За шутки и картинки. Но можно продолжать морщить с удвоенной энергией тех, за кого широкая публика не впишется, то есть условных «маргиналов» всевозможных направлений. Салафиты на Северном Кавказе, нурсисты, крымские татары в Крыму, саентологи в Питере, последователи «Аум Синрике», сторонники Мальцева, анархисты, бегающие по лесам со стволами — это не мейнстримная активность. Что, конечно, не означает ее заведомую незаконность.

И тут подоспели «Свидетели Иеговы». Целых 150 тысяч членов запрещенной организации в стране! Это же просто рай для всех оперативных служб — любое количество палок, возможности внедрения и вербовки, золотая жила. В большей степени [эта активность силовиков] — вынужденная. Все прекрасно понимают, что «Свидетели Иеговы» не представляют ни для государства, ни для общества, ни для РПЦ ровным счетом никакой угрозы. И они являются жертвами режима просто потому, что большую армию силовиков надо чем-то занимать.

Минюст России зарегистрировал первую общину Свидетелей еще в 1991 году. Начиная с 1995-го на них стал оказываться прессинг. В 2002-м московская община подала жалобу в ЕСПЧ. Первое решение суда о признании местной организации «Свидетелей Иеговы» [экстремистской] было принято в Ростовской области еще 10 лет назад (МРО «Свидетели Иеговы "Таганрог"» внесена в список экстремистских организаций решением Ростовского областного суда 11 сентября 2009 года — МЗ). Примерно в то же время ЕСПЧ удовлетворил жалобу и признал преследование религиозной группы необоснованным.

Секретные свидетели против «Свидетелей Иеговы». После решения Верховного суда по всей России арестованы уже десятки верующих

И внезапно в 2017 году Верховный суд РФ по запросу Генпрокуратуры и с подачи ФСБ признал полтысячи общин «Свидетелей Иеговы»

по стране экстремистскими. Почти сразу пошли массовые обыски и задержания, сопровождающиеся сообщениями о пытках.

[К этому времени] эшники дошли до того, что они начали шерстить аккаунты рядовых пользователей «ВКонтакте». И публике это не понравилось. Сейчас уже обвинение в экстремизме не звучит как что-то опасное, неприятное, репутационно вредное. Опасность экстремизма девальвировалась. Семь-восемь лет назад наполнение этого термина было совсем другим. Раньше «экстремист» — это был бородатый вооруженный до зубов боевик в камуфляже, а теперь — ботаник в очках за компом.

Теперь силовики нацелены на выявление маргинальных групп. А таких групп объективно просто нет! Именно поэтому силовикам приходится выдумывать их от начала до конца. Может, люди что-то обсуждают в баре за крафтовым пивом.

На сегодняшний момент я наблюдаю явный дефицит работы и возможностей приложения сил для силовиков. Потихонечку они исчерпают и Крым — кого можно, они задержали и осудили. Сирийская кампания идет к концу, ИГИЛ разгромлен. Пока не возникнет новая структура радикальных мусульман, сокращается и эта поляна. Мы давно не видим боевых действий и террористической активности на Северном Кавказе.

Они передущат «Свидетелей Иеговы», может быть. Но рано или поздно и эта история дойдет до конца. У «Свидетелей» есть и лоббисты, я уверен, это очень богатая организация. И у нее явно есть

возможность влиять на политические решения в любой стране, в том числе в России. Есть давно сформировавшаяся позиция ЕСПЧ. Плюс, наверное, «Свидетели» готовы корректировать свое поведение. Более того, претензии, которые им предъявляются, не основаны на здравом смысле. Это чистой воды эксплуатация стереотипов.

Чем силовикам заняться

Конкуренция внутри системы — Проблема-2024: почему власть не готова сокращать силовые ведомства — Необходимость нового врага — Где его взять, если любая акция протеста не опаснее «Монстрации» — Враг внутри системы: когда дракон питается губернаторами — Маргиналом может стать любой — В одном шаге от большого дела «Открытой России» — ФСБ и администрация президента: раздел территории — Вероятность русского файрвола

Чем силовикам заняться? Это главный вопрос. Я вижу, что сокращается число политических уголовных дел. Для нас в «Агоре» это основная сфера деятельности последние лет десять. Сейчас речь идет о том, как перестроить и изменить формат работы. Это и для нас большая задача. Я представляю, какой это вопрос для властей. Потому что огромные армии силовиков — это огромные деньги, огромное политическое влияние, это конкуренция между ними. Это борьба за место под солнцем и влияние на политические решения.

Нынешний политический режим держится на группах силовиков, которые находятся между собой в сложных взаимоотношениях. Баланс интересов

тонкий и сложно настраиваемый. Соответственно, сейчас происходит потеря необходимости в них, а следовательно, и потеря их влияния. Неминуема новая борьба. И мы это уже наблюдаем, в последние годы появились новые фавориты — например, Росгвардия, которая растет, как на дрожжах. Произошло падение [влияния] СК, идет резкий рост активности ФСБ во всех возможных проявлениях.

Фото: Виктор Коротаев / «Коммерсант»

Ослаблять и сокращать их штатную численность — значит снижать политическое влияние силовиков. Это влечет серьезные риски для режима, учитывая проблему 2024 года. Возникает большой вопрос, будет ли режим в состоянии продержаться на силовиках еще четыре–пять лет для того, чтобы передать власть? Достаточно ли будет политического влияния у нынешних силовиков, чтобы продержаться этот период — большой вопрос. Потому что нет внутреннего врага! А невоюющая армия, как известно, разлагается. Вопрос мобилизации важен, это ключ к политическому влиянию. Влияние же есть у тех, кто борется с врагом здесь и сейчас.

Власть озабочена сейчас, чем занять силовиков. К сожалению, любой ответ на этот вопрос — плохая новость. Потому что правильным решением будет резкое снижение влияния и численности силовиков. А этого, скорее всего, не произойдет. Просто потому что возможности для обновления политического режима, который остается у власти 20 лет, не очень велики. И скорее всего, режим будет воспроизводить себя и делать то, что он привык делать и что у него раньше получалось.

Это означает, что внезапно появится новый враг. Будет возможно какая-то новая кампания. Условно говоря, приготовиться Гомелю и Северному Казахстану. Или произойдет скачок напряженности где-нибудь на Северном Кавказе. Не в Чечне, ее не тронут, и не в Дагестане, где [работает новый глава республики Владимир] Васильев с четкой установкой на зачистку региона и демонстрацию нового стиля управления. Может быть, Ингушетия.

Можно ли вернуться к старому типу репрессий против оппозиции и гражданского общества? Да особо некого преследовать сейчас. С иностранными агентами, либералами и СМИ уже покончено. Здесь ничто угрозы не представляет, и в большей степени это правда. Они поняли, что даже самые массовые акции протеста Навального на сто городов угрозы не создают и даже к дестабилизации не приводят. У нас любая акция протеста — это «Монстрация». Они нигде не переходят в фазу, которая представляет хоть какую-то угрозу даже для местных властей. Теоретически можно посадить Навального и сто его сторонников. Но все же должен быть враг реальный — агрессивный, вооруженный и обеспеченный ресурсами! Который что-то в состоянии сделать, даже если сама угроза — мнимая.

Вообще, гораздо лучше жить весной 2019 года, чем весной 2015 года. Стало лучше, чем было. А как будет дальше — это главный вопрос. Власти нужно, чтобы было хуже. Если будет хуже, будут законные основания для работы силовиков. Будут заняты силовики — режим будет стабильным. Власть сейчас объективно стоит перед выбором

между резким сокращением силового аппарата, к чему подталкивают экономические причины, и предложением нового национального врага для повторной мобилизации силового аппарата. Но как при этом не потерять сверхконтроль в преддверии смены власти в ближайшие годы?

В отсутствие внешнего для власти врага ищется враг внутри. И мы наблюдаем, как система начинает постепенно поедать сама себя. Откуда идут все эти новости про высокопоставленных фээсбешников? В отсутствие мобилизации перед общим врагом происходит разложение и смена фокуса на себя самих. Дракон питается губернаторами, вице-губернаторами, сенаторами, сотрудниками ФСБ. Все началось с самых слабых в системе — со ФСИН: сожрали Реймера, одного зама, второго... Этот процесс постепенно нарастает, аппетиты растут. В том числе потому, что есть инерция палочной системы по преступлениям спецсубъектов. И вот мы уже видим за решеткой министров, губернаторов и высокопоставленных офицеров СКР и даже ФСБ.

Важный момент, что давят маргиналов — это попытка найти врага, на ком-то оттоптаться, бросить кость верным псам. Но при этом опасность заключается в том, что маргиналом может стать любой. «Открытая Россия» внезапно стала маргинальной. У Ходорковского идеальный образ врага политического режима — у него сотни миллионов долларов, он в Лондоне, он строит козни, у него есть сеть, которую он финансирует, она занимается политической деятельностью, которая пытается подорвать политический режим. Но

даже в отношении них не сказать, что решения особо жесткие. Известно, что у них около 50 человек с двумя административками за участие в деятельности нежелательной организации. Перед 9 мая по отделам полиции распространялся приказ отслеживать запрещенную символику, и там через запятую идут изображение свастики, эмблемы SS и «Открытой России».

Система в одном шаге — как там было? «Владимир Владимирович, только приказ!» — и будет 50 уголовных дел по стране. С арестами, с заключением под стражу. Чем не идеальный внутренний враг?

Но они все равно недостаточно маргинальны, на мой взгляд. А может, все потому, что они не по тому ведомству проходят. Еще один важный момент: есть сферы компетенции ФСБ и управления внутренней политики АП. Где проходит граница, сказать довольно трудно, но она где-то проходит. И понятно, что условные Мальцев и Ходорковский стоят на границе компетенций Сергея Кириенко и Александра Бортникова. В какой-то момент Бортникову удалось перетянуть дело Мальцева на свою территорию, и он тут же его дожал со всеми его последователями.

Ну есть ощущение, что Сергей Кириенко не поддерживает массовые политические репрессии. Мне так кажется, это мнение включенного наблюдателя. Я не знаю, насколько он влиятельный и как это работает. Может, человек из управления внутренней политики АП звонит на Лубянку и говорит: так, этот ваш, а этот наш. И они спорят по

телефону, ваш этот или нет, можно его жрать или нет? Я не знаю, как это происходит.

Но мы видим именно такую картину на сегодня. Плохая новость в чем? Такая ситуация не может продолжаться долго — это подвешенная история, которая может в любой момент качнуться. И она качнется с большей вероятностью в сторону нового витка репрессий. У нас был [признанный экстремистским и запрещенный в России] «Правый сектор», украинские истории. А вот сейчас система против кого борется? Непонятно.

Последствия взрыва в жилом доме в Магнитогорске. Фото: Эмин Джафаров / «Коммерсант»

В Магнитогорске это было что? Неизвестно. Из Средней Азии какая-то новая угроза идет? Непонятно. А если это Беларусь с Северным Казахстаном? Там нет крымских татар, там против кого бороться? Белорусских националистов еще Лукашенко передушил. Но если будет такой сценарий, то это события глобального масштаба — понятно, какова была цена за украинский конфликт.

Может быть, они сейчас постараются создать русский файрвол на китайском железе и начнется охота на пользователей, которые будут обходить защиту. Но пока непонятно, будут ли они в состоянии построить этот забор, как они будут отслеживать левый трафик. Пока я сомневаюсь, что это удастся сделать так быстро, как бы им хотелось.

Мне кажется, сейчас разные варианты просчитываются, и один из них будет принят.

Может, ситуация качнется в сторону массовых административных дел за оскорбление Путина. Но я в это особо не верю пока. Это может быть, если Кремль даст указание: всех критикующих и оскорбляющих власть — под нож. И вот тогда начнется охота за матерщину в адрес [президента], как раньше за картинки. Кто эту фразу в Ярославле написал? Какой-то маргинал, а не глава штаба Навального. Потому что уровень культуры другой — не будут сторонники Навального опускаться до такого. В своей массе, по крайней мере.

Затишье перед чем-то

Зачем нужна Росгвардия — Почему дела, построенные на провокациях, не годятся для массового тиражирования — Пройден ли пик репрессий?

Сейчас ситуация спокойная, но это затишье перед чем-то. Полмиллиона штыков Росгвардии, совершенно сумасшедшее финансирование. Они против кого? Против мусорных протестов в Архангельске? Ну не смешите! Этим людям нужен достойный противник! А его не наблюдается. Куда им, в Венесуэлу? Они готовы куда угодно, а некуда.

И здесь может получиться так, что условные оппоненты силовиков во власти получают козыри: «Вы, парни, молодцы, порядок навели, давайте займемся экономикой». Не хочется говорить про либеральные башни Кремля, это звучит смешно, но примерно такая картина.

Могут ли силовики строить свою работу на провокациях? В принципе, да, но люди учатся

довольно быстро. Во-первых, медийное пространство позволяет получать информацию практически мгновенно. Поэтому эти провокации не могут носить массового характера. Во-вторых, это дорогостоящая и сложная с точки зрения подготовки история. «Новое величие», «Сеть» и прочее — это долгая оперативная разработка. Какие-то разработки и сейчас идут, новые экстремистские сообщества будут появляться. Но в целом народ учится и подставляется все реже.

При всей активной работе чекистов у нас разве есть какие-то подпольные силы, которые представляют угрозу? Конечно, нет никаких. А если нет ни подпольных, ни на поверхности, то зачем такое количество тех, кто их ищет? Если нет грибов, зачем столько грибников? Возникает вопрос! У меня нет ответа на вопрос. Если бы спросили меня, я бы сказал, что надо резко сократить силовой аппарат. Я думаю, мы близки к какому-то кардинальному решению федерального уровня. Зачем полмиллиона бойцов Росгвардии, зачем и прокуратура, и СК одновременно, зачем столько полицейских сейчас?

Даже интенсивность сталинских репрессий, которые выкосили в 1930-х огромное количество людей, постепенно стала снижаться. Репрессии не могут долго быть на подъеме. У нас, может, при Путине уже был пик репрессий, и сейчас они пошли на спад. Мы на пороге новой реальности, и там они сильнее всего об этом думают.